

жию, одного звали мессир Жеан Жорж, другого – не знаю как, и оба были весьма искусны в красноречии и надувательстве.

Вот что, к примеру, проделал названный мессир Жеан Жорж в одной деревне, расположенной недалеко от Меца, на пути в Сент-Барб, куда он пришел проповедовать. Обойдя уже много мест и убедившись, что везде подают очень скудно, – так подействовали на тамошних жителей наставления метра Жеана Клере, – он задумал переиначить его слова, и вот что из этого вышло. Едва только он взошел на кафедру и завел свои уговоры, как почувствовал, что здешние прихожане помнят слова метра Жеана Клере о его собратях, и заговорил иначе; «Я не собираюсь, дети моя, задерживать вас понапрасну, но знайте: все вы закоренелые безбожники, если уж такие умелые проповедники, как метр Жеан Клере и многие другие, коих множество побывало в здешних местах, и те не смогли наставить вас на путь добродетели. Видно, не зря благочестивый метр Жеан Клере называл нас ворами и лгунами! А знаете ли вы, почему он называл нас лгунами? Да потому, что мы имеем обыкновение, благословив весь народ в церкви, начинать проповедь такими словами, как «добрые люди», или «честной народ», или «праведные христиане», а ведь это ложь, всякий знает, что людей добрых и праведных днем с огнем не сыщешь! Вот и выходит, что мы лгуны, это и имеет в виду метр Жеан Клере, а иные понимают его слова превратно. А что, по-вашему, подразумевает он, когда называет нас ворами? Он и тут прав: ведь мы обкрадываем дьявола. Мы похищаем у него обреченные и проклятые души, вырывая их из его лап и передавая в руки Господа – такова сила молитв и добрых дел, к которым мы вас побуждаем и которыми вы обязаны только нам; так же способствуем мы спасению от власти дьявола душ ваших усопших близких, ибо благочестивые дела, подаяния и пожертвования, к которым опять-таки мы вас призываем, вызывают их из ада. Стало быть, истинно говорит метр Жеан Клере, когда называет нас лгунами и ворами: мы и впрямь лжем, именуя вас добрыми и праведными людьми. Так уясните же смысл его слов, и да послужат они вашему исправлению, дабы вы заслужили себе прощение и облегчили участь ваших усопших близких, и да будет угодно Богу, чтобы впредь не обвиняли нас во лжи за то, что мы зовем вас добрыми людьми».

Мессир Жеан Жорж присочинил еще много таких же нелепых, но выгодных для себя басен, каковые я для краткости опускаю. Случилось так, что в церкви было несколько жителей Меца, которые слышали все эти его речи – проповедник же этого не знал – и после рассказали об этом повсюду, и все, слушая их, покатывались со смеху; когда же это дошло до самого мессира Жеана Жоржа, он ничуть не смутился и, если при нем заговаривали об этом случае, смеялся вместе с другими.

Послушайте теперь, что говорил его приятель, который в то время собирал пожертвования именем Пресвятой Богоматери Овернской и развешивал перед дверями церковей индульгенции, написанные или напечатанные на больших бумажных листах. Как-то в воскресенье, недели через три-четыре после того, как произнес свою проповедь мессир Жеан Жорж, этот его собрат явился в церковь прихода Святого Симплиция в Меце и, зная заранее, что не успеет он раскрыть рта, как все покинут церковь и разойдутся, он решил сразу сказать или сделать нечто такое, что удержало бы их, – и затея его удалась. Едва ступив на кафедру, он наспех сотворил крестное знамение и произнес, как подобает «In nomine Patris et Filii»³⁷ и так далее. И тут же прибавил: «Добрые люди и праведные христиане! Заклинаю вас страстями Господними, если есть среди вас а этом храме проклятые еретики и еретички, колдуны и колдуньи, ведуны и ведьмы, пусть не оскверняют своим присутствием проповедь Божьего слова, которую я сейчас начну, и не медля выйдут вон». Вслед за этим приступил он к проповеди, лживой от первого до последнего слова. Те, кто прежде намеревался выйти из церкви, теперь только озирались по сторонам и не осмеливались сделать и шагу прочь из страха, как бы их не приняли за колдунов да ведунов. Все только диву давались: нашел же, хитрец, что сказать!

Однако оказался среди прихожан некий почтенный человек, у которого в тот день была свадьба, так что он должен был немедленно уйти, чтобы не опоздать на венчание, назначенное в другом приходе. Вот он-то первым встал и вышел из церкви, и как только он ступил за порог, за ним следом устремились еще десятка три, не меньше, прихожан, которые и раньше хотели уйти, да только никто из них не решался сделать это первым, чтобы не прослыть еретиком. За ними по-

---

³⁷ Во имя отца и сына (лат.).